

— Не ожидал, что господин У примет решение так быстро...

После заявления У Гуя кто-то поражённо прошептал это себе под нос.

Если вспомнить, сколько времени прошло с тех пор, как в семье Линь вспыхнул скандал с настоящим и подставным наследником? И трёх месяцев не наберётся, верно?

А слухи о связи между Линь Сюэцэ и У Гуем когда появились? Кажется, всего полмесяца назад!

То есть за такой короткий срок Линь Сюэцэ успел из молодого господина семьи Линь превратиться в «фальшивого» сына, а затем — в наследника господина У...

Всего лишь две недели общения — и У Гуй уже на таком торжественном приёме публично объявляет его своим преемником. Можно только представить, насколько он доволен Линь Сюэцэ.

Говорили негромко, но слух у У Гуя был острый. Он тут же отозвался:

— Вы многого не знаете. Мой малыш... — он даже гордо вскинул подбородок. — И это не отцовская похвала, а чистая правда: он гений от природы, редчайший талант.

Его взгляд потеплел, голос стал мягче, почти ласковым.

— С пяти лет он снимался в индустрии развлечений — был детской звездой. Почти десять лет без нормального сна и отдыха, день и ночь работал. Лишь в средней школе, когда стало известно, что нагрузка довела его до того, что он уснул прямо на экзамене и сдал пустой лист, он наконец покинул шоу-бизнес и вернулся к нормальной школьной жизни. В тот год моему малышу было всего пятнадцать. Да, в учёбе он отставал, но стоило дать ему время — и меньше чем за год он наверстал всё, поступив в престижную старшую школу!

В голосе звучала нескрываемая гордость.

— В старшей школе он рос в семье Линь, где ему не дали ни должного воспитания, ни поддержки, но он всё равно не опустил рук и поступил в университет Н. — У Гуй с удовлетворением улыбнулся. — Хотя тогда мы ещё не признали друг друга как отец и сын... в итоге мы всё равно оказались в одном университете.

Он рассмеялся, но в глазах блеснули слёзы.

— Он всего добился сам. Представьте, если бы он с детства рос у меня под крылом, если бы я мог его как следует направлять... Кто знает, может, поступил бы в Цинхуа или Бэйда! Такой талант нельзя зарывать в шоу-бизнесе. Моё дело — должно перейти к нему!

Говоря это, У Гуй с почти театральной трогательностью посмотрел на Линь Сюэцэ, глаза влажные, голос дрогнул:

— Малыш, если ты не согласишься, я прямо тут расплачусь.

Линь Сюэцэ: «...»

Отец, ты, кажется, слегка переигрываешь.

Когда У Гуй всё больше входил в раж, Линь Сюэцэ поспешно потянул его за край пиджака:

— Мы вообще-то ещё на юбилейном банкете семьи Линь.

У Гуй мгновенно пришёл в себя, обернулся к троем представителям семьи Линь:

— Прошу прощения. Возраст берёт своё — становлюсь всё более многословным. Прошу не обессудить. Я уступаю сцену господину и госпоже Линь.

Сказав это, он вовремя остановился и, взяв Линь Сюэцэ за руку, отошёл в сторону.

Пусть он и устроил целое представление, но его статус и влияние были слишком значимы — каждое слово весило немало.

Журналисты уже мысленно писали заголовки, гости жадно смаковали сплетни, по залу разливалось возбуждённое, почти весёлое оживление.

Когда У Гуй отошёл, многим даже стало немного жаль — будто главное шоу внезапно закончилось.

Провожая его взглядом к углу зала, где он уступил центр сцены семье Линь, публика нехотя перевела внимание обратно на троицу.

Ну? Вам ещё есть что сказать?

Семья Линь, стоявшая в углу и внезапно оказавшаяся в центре внимания: «...»

Наконец-то о них вспомнили?

Чёрт возьми, всё главное представление уже отыграл У Гуй — им-то теперь что показывать?

После того как У Гуй объявил наследником Линь Сюэцэ, если бы семья Линь тут же заявила, что их преемником становится Линь Цинтянь, это не произвело бы сенсации — скорее, они стали бы посмешищем.

Линь Гохуа кипел от злости, не находя слов. Всегда изобретательная и хладнокровная Чжэн Мэйлин сейчас тоже едва сдерживала ярость — в голове звенело, мысли путались.

Они пригласили У Гуя и Линь Сюэцэ, чтобы те стали украшением праздника семьи Линь.

А в итоге всё внимание оказалось украдено. Месяцы подготовки — и всё ради чужого триумфа.

Первым, кто с трудом сохранил остатки рассудка, оказался Линь Цинтянь. Стиснув зубы, он ответил:

— Сюэцэ — тоже член нашей семьи. Ваши с ним дела — это и наши дела.

Он говорил вежливо, даже мягко, но под этой гладью сквозило холодом.

— Изначально мои родители собирались сегодня объявить, что мы с Сюэцэ будем совместно управлять компанией. Не ожидали, что господин У так высоко его оценит. Состояние семьи У, разумеется, во много раз превосходит капитал семьи Линь. Остаётся лишь надеяться, что в

будущем Сюэцэ в семье У будет становиться всё лучше и лучше... и что его прежняя репутация не повредит бизнесу господина У.

В их обмене репликами любому внимательному наблюдателю стало ясно: между двумя семьями — напряжение.

Слова Линь Цинтяня звучали учтиво, но в них скрывалось острое жало.

Гости, до этого с азартом «поедавшие дыни», задумались — и быстро уловили смысл.

Объявление У Гуем «подставного» сына наследником — новость сочная, сладкая. Но если посмотреть не глазами Линь Сюэцэ, а глазами делового мира, это уже не столь однозначная история успеха.

Линь Цинтянь ударил по самому чувствительному месту: по репутации.

Для предпринимателя важны не только способности — имя и общественное доверие порой значат не меньше.

У Гуй сумел подняться так высоко во многом благодаря своей безупречной деловой славе.

А Линь Сюэцэ — его полная противоположность.

Бывшая детская звезда, от которой шоу-бизнес в итоге отказался. Человек, о котором ходили слухи, что он не ладит с однокурсниками.

Да, сейчас он выглядит спокойным, собранным. Да, У Гуй рассыпается в похвалах.

Но всё это — слова. В деловом мире важны факты и прошлые результаты.

А если оглянуться назад, Линь Сюэцэ будто везде оказывался «не ко двору».

Для самого Линь Сюэцэ стать наследником У Гуя — безусловно, подарок судьбы.

Но для бизнеса У Гуя? Это ещё вопрос.

В зале почти все были предпринимателями, многие вели дела с У Гуем. Когда речь заходит о бизнесе, эмоции отходят на второй план — начинается расчёт.

Несколько человек украдкой взглянули на У Гуя.

Тебе только что сказали, что у твоего «гусёнка» плохая репутация. Сегодня ты рвал и метал — так почему молчишь? Разве не выйдешь в ответ «перегрызть горло»?

Однако их ожидания не оправдались.

Сказав, что уступает сцену, У Гуй действительно её уступил.

Пока Линь Цинтянь сыпал завуалированными уколами, он с Линь Сюэцэ стоял в углу: то тихо переговаривались, то что-то смотрели в телефоне — ни единого слова в ответ.

Представление У Гуя завершилось. На сцене осталась лишь семья Линь, вынужденная разыгрывать сольный номер — и зрелище сразу потеряло остроту.

Когда в зал выкатили торт к юбилею Линь Гохуа, гости, ещё обсуждая недавнюю «битву», стали рассаживаться по местам, и банкет наконец пошёл по запланированному сценарию.

Линь Гохуа, Чжэн Мэйлин и Линь Цинтянь встали рядом, готовясь разрезать торт.

Торт был высотой почти с самого Линь Гохуа — изготовленный по его вкусу, специально на пятидесятилетие. Предполагалось сделать красивые фотографии на память.

Но после вмешательства У Гуя ни о каких позированных снимках уже не хотелось думать.

Собравшись втроём, Линь Гохуа всё больше кипел от обиды:

— Этот неблагодарный выродок Линь Сюэцэ... и этот старик У Гуй... да они издеваются!

Его юбилей!

Ничего толком не произошло — только выставили его на посмешище. Стоит вспомнить этот день в будущем — и станет стыдно.

Чжэн Мэйлин тоже помрачнела, думая о том, что Линь Сюэцэ вот-вот окончательно выйдет из-под их контроля.

И только Линь Цинтянь холодно усмехнулся:

— Папа, мама, не злитесь. Я столько всего сказал — а этот старик тут же спрятался и ни слова не ответил. Значит, у него просто нет козырей. А вот у нас ещё есть ходы в запасе.

Чжэн Мэйлин и Линь Гохуа удивлённо посмотрели на него.

И тогда Линь Цинтянь рассказал им о том, что произошло у входа: как У Гуй и Линь Сюэцэ успели поспорить с представителем студенческого комитета.

— Этот старый хрыч У Гуй может царствовать только в Хайцзине. А если посмотреть в масштабах всей страны — он никто, — холодно произнёс Линь Цинтянь. — Зато дурная слава Линь Сюэцэ когда-то разлетелась по всей стране.

Он говорил спокойно, но в голосе сквозило злорадство.

— У Сюэцэ изначально не было «зрительской симпатии». Стоит тем активистам из студкомитета выложить всё в сеть — мы тут же подогреем тему. Купим несколько горячих запросов, запустим ботов на крупных форумах и сайтах, нарежем видео с Линь Сюэцэ и У Гием в формат «гуйчу», чтобы разошлось быстрее... Дадим истории прокатиться по всей стране. Посмотрим тогда, осмелится ли У Гуй и дальше так задира́ть нос.

Услышав это, Чжэн Мэйлин и Линь Гохуа мгновенно оживились.

С семьёй У им не справиться — но интернет-пользователи? Это другое дело.

Если репутация У Гуя рухнет, они не только отомстят... но и Линь Сюэцэ в итоге придётся вернуться в семью Линь с поджатым хвостом.

Линь Гохуа мрачно кивнул:

— План хороший. Жаль только, что У Гуй ещё несколько недель понаслаждается жизнью...

Линь Цинтянь усмехнулся:

— Папа, в интернете всё распространяется очень быстро. Никаких «нескольких недель» не понадобится.

Родители посмотрели на него, не понимая.

— Видео уже смонтировано и выложено. Я связался с нужными людьми, они начали раскачивать тему. Сейчас только полдень, а банкет закончится к вечеру. Одного дня более чем достаточно.

В его глазах мелькнула холодная насмешка.

— Этот старик пришел сюда с гордо поднятой головой... Я заставлю его и Линь Сюэцэ уйти отсюда под градом насмешек и плевков.

Линь Гохуа и Чжэн Мэйлин были людьми среднего возраста, тонкостей интернет-армий они не понимали. Но о том, какую силу имеют сетевые скандалы, слышали достаточно.

Если вызвать гнев толпы — она разорвёт на куски.

И чем известнее человек, тем болезненнее падение.

Ведь интернет не рушит дома безымянных — публике нужно громкое имя. Чем выше взлёт, тем сильнее всплеск.

Линь Гохуа и Чжэн Мэйлин уже смирились с тем, что против У Гуя у них нет средств.

И вдруг — поворот судьбы. Если всё пойдёт по плану Линь Цинтяня, уже к вечеру У Гуй и Линь Сюэцэ получат по заслугам.

В один миг будущее снова обрело вкус.

— Правда сработает? Всего за один день? Интернет действительно такой могущественный? — с надеждой спросила Чжэн Мэйлин.

— Не переживайте, — уверенно ответил Линь Цинтянь. — Всё будет сделано.

Родители всегда верили в способности сына.

Перед У Гум они оказались беспомощны, и в итоге именно их восемнадцатилетний сын взял ситуацию в свои руки.

От этой мысли их сердца наполнились гордостью.

— Вот это мой сын! Прекрасная работа! — Линь Гохуа не скрывал удовлетворения.

— Удар в самое основание... Цинтянь, ты у нас такой умный, такой талантливый! — восторженно добавила Чжэн Мэйлин.

Увидев, как на лицах родителей наконец появилась улыбка, Линь Цинтянь скромно ответил:

— Это всё благодаря вашему воспитанию.

Когда торт был разрезан, фотографии сделаны, он отошёл в угол, собираясь проверить на телефоне, как продвигается работа «армии».

И в этот момент среди гостей вдруг раздался удивлённый голос:

— Сюэцэ, ты знаком с Чжун Цинлин?

Голос был негромким, но как раз наступила пауза — звучала тихая инструментальная музыка, никто не говорил. Вопрос прозвучал отчётливо и привлёк внимание всех присутствующих.

Чжун Цинлин?

<http://bllate.org/book/14966/1428870>